

УДК 394:94(480+470.22)«1930/1939»

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ 1930-Х ГОДОВ В ВОСПОМИНАНИЯХ О ДЕТСТВЕ*

О. П. Илюха

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

В статье анализируется многослойный источник – воспоминания людей, родившихся в 1920 – начале 1930-х годов, о своем детстве. В них запечатлены не только детали повседневности советского пограничья, его символические объекты и фигуры, но и опыт пережитого, особенности социализации и самоидентификации «детей фронта». Воспоминания рассматриваются с учетом официального дискурса 1930-х годов о границе.

Ключевые слова: воспоминания, детство, советско-финляндское пограничье, повседневная жизнь.

O. P. Ilyukha. DAILY LIFE OF THE SOVIET-FINNISH BORDERLAND OF THE 1930s IN CHILDHOOD MEMORIES

The paper analyses the multilayered source – memories of people born in the 1920s – early 1930s about their childhood. Not only the details of daily life in the Soviet borderland, its symbolic objects and characters, but also the experience of life, socialization and self-identification of the “children of the frontier” are inscribed in those memories. We consider them with regard to the official frontier-related discourse of the 1930s.

Key words: memories, childhood, Soviet-Finnish borderland, daily life.

Государственная граница, деля социальное пространство на «своих» и «чужих», «своих» и «других», создает совершенно особый социокультурный ландшафт. Здесь соприкасаются, встречаются и расходятся различные ментальные, культурные, политические и экономические миры. При этом нормы и предписания, касающиеся поведения людей при пересечении границы или при нахождении в приграничье, варьируют и меняются в пространственно-временной перспективе. Крайними, полярными вариантами ситуации являются «железный за-

навес» периода холодной войны и «прозрачные границы» современного Евросоюза.

История советских границ и советского пограничья («погранполосы», «погранзоны») привлекает внимание исследователей в различных контекстах [Заерко, 2002; Граница и люди, 2005; *Frontières du communisme*, 2007]. В СССР изучение этой глубоко идеологизированной темы было возможно лишь под грифом секретности, а основные публикации в открытой печати сводились к описаниям подвигов советских пограничников. В 1990-х – 2000-х гг., настроив созданную зарубежными учеными оптику изучения границ на решение собственных научных задач, российские исследователи существенно расширили видение проблем, связанных с социокультурной специ-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 12-31-01028) и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

фикой пограничья. Различные дисциплинарные подходы (социологический, политологический, антропологический, географический) открыли новые возможности для пространственных и социальных интерпретаций границ [Замятин, 2003. С. 102–114].

Пограничье привлекательно и для исследования специфики повседневности, поскольку является территорией особого цивилизационного взаимодействия. В последние годы по обе стороны российско-финляндской границы активно изучают многообразные аспекты ее истории, включая повседневную жизнь пограничья [Россия и Финляндия..., 1999; Рупасов, Чистиков, 2000, 2007; Мусаев, 2007; Hämynen, 1993; Paasi, 1996; Lähteenmäki, 2009]. Однако в целом этот аспект темы пока остается малоисследованным.

Советское пограничье 1930-х годов – предвоенного десятилетия, когда в идеологическом дискурсе родилась и закрепились метафора «граница на замке», представляет интерес как особая территория. Режим пограничья формировал свои территориальные общности, знаковые системы, свое ментально-географическое пространство и свой образ жизни. Большинство советских граждан, проживавших в это время вдали от «широких границ» СССР, получали представление о жизни пограничья через СМИ, кинофильмы, художественную литературу и т. д. Особой аудиторией, проявлявшей интерес к этой теме, были дети. В процессе конструирования «нового советского человека» теме границы отводилась значительная роль. Анализ содержания поступавших в каждую школу пионерских газет и журналов 1930-х гг., а также учебников, т. е. самых массовых печатных изданий того времени, позволил выявить адресованный детям официальный дискурс о границе [Илюха, 2007; Илюха, 2011]. В текстах, предназначенных для детей (расхождения в репрезентации темы для взрослых и детей состоят лишь в деталях, в подробностях), можно выделить следующие ключевые позиции.

Доминирующей является семантика безопасности, защищенности советских границ. Образ запертых ворот («граница на замке») иногда усиливается дополнительными эпитетами: «граница на прочном замке», «на железном замке». Советская страна рисовалась островом счастливого детства во враждебном мире, что было частью советской концептосферы, грандиозного мифологизированного образа «новой» России.

Центральные фигуры созданного в литературе социокультурного ландшафта пограни-

чья – пограничник и шпион. Первый в текстах для детей изображен исключительно как герой, друг пионеров, второй – антигерой, злодей, враг всех советских людей. Тема границы в текстах для детей, как правило, раскрывается через описание инцидента, связанного с задержанием шпиона. Дети в текстах такого рода присутствуют исключительно в качестве помощников пограничников. Итак, официальные репрезентации образа границы делят социальную реальность на врагов, проникающих в советскую страну с целью узнать ее тайны, героев-пограничников и помогающих им советских граждан.

Источниковая база исследования

В данной статье мы обратимся к другому источнику – воспоминаниям людей, родившихся в 1920 – начале 1930-х годов. Сегодня только это уходящее поколение может представить «прямые» свидетельства о довоенном времени. Корпус собранных нами воспоминаний насчитывает 25 интервью. Тексты хранятся в Научном архиве Карельского научного центра РАН [НА КарНЦ РАН]. Воспоминания записаны в 2005–2007 гг. у людей, чье детство прошло в населенных пунктах Северного Приладожья и Сямозерья, расположенных вдоль старой советско-финской границы. Это деревни и поселки, как непосредственно примыкавшие к границе (Погранкондуши, Раймяля, Кавайно, Вешкелица), так и находившиеся от нее на некотором удалении (Пенгисельга, Юргелица, Колатсельга, Эссойла). Особым населенным пунктом в этом списке являются Погранкондуши (фин. – Rajakontu) – советская деревня, смыкавшаяся по линии границы с финской деревней Мансила (фин. – Manssila). Подобные «двойные поселения»* [Кайсто, Нартова, 2008] создают специфическую контактную среду, состояние которой в условиях идеологического размежевания вызывает несомненный интерес.

Воспоминания были собраны в форме свободного интервью (жесткая схема вопросов отсутствовала), основная часть которого касалась образа жизни родительской семьи и детства респондентов. Длительная табуированность разговоров о границе сказывается и в наши дни: не все охотно разговаривали на эти темы,

* В историографии имеется опыт изучения «двойных поселений», в основном двойных городов («City Twins»). На советско-финляндской границе привлекательным для исследователей оказался «двойной город» Светогорск – Иматра. Нарботка подходов в изучении «зеркальных» поселений получена также при изучении разделенной границей с Эстонией территории Ивангорода – Нарвы.

пришлось столкнуться и с завуалированным отказом говорить о границе. Осторожность и подозрительность являются одним из проявлений фундаментальной психологической травмы, нанесенной сталинским режимом гражданам своей страны [Figes, 2007. P. 645]. Вопросы о границе приходилось формулировать с учетом индивидуальных особенностей респондента и встраивать их в общую логику интервью о детстве. Установлению доверительного общения с респондентами способствовала помощь в этой работе школьных учительниц, авторитет которых в сельском сообществе до сих пор открывает двери многих домов*.

Памятные рассказы о детстве расцениваются специалистами как воспоминания «малорефлексивного» возраста, пропущенные через напластования пережитого, внутреннюю цензуру последующей жизни и «выученную историю», нередко спорящую с личным опытом [Безрогов, 2010. С. 39–42]. В воспоминаниях проявляется отношение к детству как к периоду девиантного поведения [Разумова, 2001. С. 289]. Критика этого уникального и вместе с тем крайне сложного для интерпретации источника должна происходить с учетом его специфики: вспоминая детство, взрослые руководствуются уже иной логикой, чем логика детского запоминания, и выстраивают нечто цельное из того, что изначально таковым не является [Безрогов, 2010. С. 48]. Если воспоминания о детстве могут вызывать сомнения как источник достоверной информации о коллективном прошлом, то они незаменимы при изучении деталей повседневности, а также вариативности индивидуального жизненного опыта и проблем конструирования исторической памяти.

«Были эти ворота на замке»

Полупрозрачная восточная граница Великого княжества Финляндского, до конца 1917 г. входившего в состав России, с получением Финляндией независимости приобрела качества межгосударственного рубежа. Он разделил семьи и людские судьбы, не говоря уже о поселках, деревнях и микроландшафтах. «Погранкондуши кончаются, Мансила начинается – уже финская территория», – информация, рефреном звучащая в воспоминаниях местных жителей.

* Выражаю искреннюю признательность учительницам, помогавшим в организации сбора воспоминаний – Елене Александровне Калининой (пос. Эссойла) и Марине Ивановне Керро (пос. Салми), а также жителям Карелии, которые принимали нас в своих домах и беседовали с нами.

Память детства сохранила фрагментарные сведения о внешнем оформлении линии границы: ее ограждении, символах и знаках. «Вдоль границы была частая изгородь»; «Границей был забор, из жердей сделанный – это была граница. Легко можно было перейти туда и сюда»; «Там [на границе между деревнями Погранкондуши и Мансила] была просто такая глубокая канава, копали финны и наши..., папа рассказывал. И была изгородь, просто деревянная такая, обыкновенная изгородь... Ну, метра, наверно, полтора»; «В Погранкондушах, где дорога, дак там [на границе] ворота стояли и часовые. А остальное, что там: паханое поле, полоса паханая, ну и пограничники ходили» [НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, кол. 213, ед. хр. 3, 4, 6, 7].

Ворота, сквозь которые шла дорога в соседнюю деревню, в страну Финляндию описываются подробно: «...тут граница была. Огромные деревянные ворота были такие. Большие ворота, некрашенные, из простого дерева. Когда границу закрыли, были эти ворота на замке. Огромный такой замок с нашей стороны был...» [НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, кол. 213, ед. хр. 7, л. 34]. Метафора «граница на замке» в ландшафте деревни Погранкондуши обрела свое реальное, предметное воплощение, стала «самоисполняющимся пророчеством» [Лакофф, Джонсон, 2004. С. 184].

Мальчики активнее девочек познавали пространство и фиксировали более широкую информацию. Именно мужские воспоминания содержат сведения о размещении пограничных застав, их местонахождении и подробностях пограничного ландшафта: «Много застав было. Застава была в Погранкондушах. Потом была между Кавайно и Кавгозером, застава была в Раясельге, застава была в Хабосярви... Вот по дороге идешь в Кавайно, раньше эта дорога закрыта была, только пограничник по ней [патрулировал], потому что совсем близко, метрах в пятидесяти, уже граница проходила. Она же, граница, виляет...» [НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, кол. 213, ед. хр. 6, л. 24–25].

От детского внимания не ускользали и посты-«секреты» пограничников: «...я один раз пошла там, около куста, дак пограничник вот так руку [выставил]... Следили... куст такой, большущий куст. А он там, в кусту сидит и караулит весь день» [НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, кол. 213, ед. хр. 4, л. 14]. Описание несет отчетливый след наивного мировосприятия: «большущий куст» – характерный маркер детских впечатлений. А уверенность в том, что пограничник

весь день «в кусту сидит» – скорее отражение сформированных пропагандой представлений о нерушимости границ и бдительных пограничниках, днем и ночью не смыкающих глаз.

Лес, в котором карелы учились ориентироваться с раннего детства, вблизи границы приобретал черты опасности, но не как локус природной стихии, а с точки зрения социального использования этого пространства: он был естественным укрытием для тех, кто намеревался нарушить установленный порядок. Для детей лес оказывался коварным местом: «...да там же лес, туда ягоды пойдём [собирать], уже окажемся на их стороне. Посмотрим вверх, если церковь видать, так быстро на эту сторону бежим или на Ладугу, и по Ладуге идем домой» [НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, кол. 213, ед. хр. 4, л. 13]. Опасность границы заставляла взрослых делать для детей дополнительные опознавательные знаки, метки на деревьях и камнях, для того чтобы, заблудившись в лесу, те случайно не приблизились к запретной черте. Таким образом, зоны опасности были отмечены знаками, расставленными не только властью, но и «рядовыми гражданами».

Люди с мешочками: социально-политический контроль в погранполосе

Социально-политический контроль в полосе западных границ СССР охватывал широкий спектр вопросов. В повседневной жизни 1930-х гг. привычной практикой была регулярная проверка документов у населения. Человек, отправляясь на работу, всегда брал с собой так называемый «паспорт» – официальную бумагу, разрешавшую перемещение по близлежащей территории. Для этих документов шили специальные мешочки и носили их на теле. «На работу если родители уходили, вот моя мать, например, уходила, не было паспорта, надо было здесь (показывает на грудь. – О. И.) [документ] держать. Кто мешочек шил, кто как. Среди ночи могли прийти проверять, обыски делали. Наш дом раньше был там, на хуторе, дак нас выселили. До финской войны уже мы не жили там, нам надо было жить уже в деревне. А дом так и пустовал. Видимо, боялись чего-то... Чуть в стороне, без контроля...» [НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, кол. 213, ед. хр. 5, л. 22].

Для работы на колхозном лугу, примыкавшем к линии государственной границы, требовалось получить разрешение местных властей с указанием имен всех, отправлявшихся на сенокос или погрузку сена. Подростки, работавшие на сенокосе, уже хорошо понимали опасность общения с теми, кто находился за

границей, и осваивали тактику «политически корректного» поведения, в основе которой было молчание: «Вот в Раясельге, там покосы шли, через речку финская сторона, там финны косят, сено сушат, а на этой стороне наши. Запрещалось разговаривать с ними. Пограничники, они как, – в секрете. Мы их не видим, а они нас видят, что мы делаем. Ну, предупреждали, чтоб не разговаривали. Ну, а с той стороны они другой раз крикнут слово, другое, третье, но не ответишь, – и они перестанут» [НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, кол. 213, ед. хр. 6, л. 26].

Родственные связи были порваны с теми, кто находился за границей, они также ограничивались и с проживавшими на советской территории, но уже за пределами погранзоны, поскольку для посещения родственников на этой «буферной» территории требовалось особое разрешение. «Местный праздник – Спасов день, но [людей] из других деревень пограничники не пускали сюда. У меня свекровь из Видлицы родом, и родители ей говорили, лучше ты приезжай, а они сюда [в погранзону] никогда не приезжали» [НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, кол. 213, ед. хр. 3, л. 12]. Советское приграничье являлось пространством повышенной власти и одновременно изолированности не только от «чужих», но и от «своих».

В Финляндии тоже дождь идет? Искушение границей

Любопытство, непреодолимый интерес к запретному и неизведанному влекли маленьких детей к границе. Пограничье создавало широкие возможности для удовлетворения всеобщей детской потребности посещения «запретных территорий», «страшных мест». В результате самостоятельно осваивались и эмоционально постигались важные элементы окружающей среды и формировался собственный детский миф о мире, осколки которого сохранились в воспоминаниях:

«Было строго-настрого запрещено детей пускать на границу, а дети идут туда, куда им не разрешают. Мы, как плохая погода, обычно часто перелезали через этот забор [на границе] – как там в Финляндии, тоже дождь идет или не идет, надо проверить... А второе – там было очень много ягод, естественно, там их никто не собирал, а мы идем туда, где можно быстрее собрать ягоды... И потом Ладуга, огромная наша Ладуга. Берег, там и сейчас стоит такой камень – Variskivi, как бы Вороний камень*.

* Имеется в виду Варашев камень.

граница была, вода была разделена этим камнем, вода дальше финская, а берег еще наш. И естественно, мы шли купаться там, где финская вода» [НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, кол. 213, ед. хр.7, л. 33]. Автор воспоминаний делает интересное уточнение, отсылающее нас в область детской психологии: «...мы боялись, нас все-таки ругали. Уйдем [за линию границы], немножечко постоим и обратно». Здесь в полной мере проявились те стороны «территориального поведения» детей, в основе которого лежит нарушение пространственных запретов. Психолог М. В. Осорина подчеркивает, что, нарушая запреты, дети руководствуются не разумом: «Какая-то непонятная, но могучая сила наперекор разуму и страху влечет детей к тому, чтобы переступить эти запреты или, по крайней мере, постоять у опасного порога и пережить нечто исключительно важное, без чего будет трудно жить дальше» [Осорина, 2009. С. 87]. Для совершения таких подвигов дети объединялись, ощущая себя в группе более сильными и уверенными, чтобы вместе создать и пережить важные для них события.

Существовавшая практика наказаний и взысканий по отношению к детям не приносила видимого эффекта: «Были случаи, когда нас, детей [зашедших в запретную зону], брали на заставу пограничники (там была вышка такая, они следили). А мы умоляем: дяденька, мы больше не пойдем. Все равно они приводили нас на заставу, приглашали туда родителей, говорили: вот ваши дети, примите меры, чтобы они больше сюда не ходили. Нас ругали, но это все было бесполезно» [НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, кол. 213, ед. хр. 7, л. 33].

Отчетливо проявилась гендерно-возрастная дифференциация в поведении, связанном с фактором границы. Для девочек характерна усиливавшаяся по мере взросления осторожность: «Дети к границе не бегали, даже смотреть боялись»; «Мы боялись. Нас как-то учили, что они уже это..., ну, фашисты» [НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, кол. 213, ед. хр. 4, л. 15; ед. хр. 3, л. 12]. Мальчикам, существование которых развернуто в пространстве гораздо шире, чем у девочек, в воспоминаниях приписывается смелость, которая подчас выглядит напускной: «...мы, пацаны, в то время не ходили туда, пограничники не пускали. Да и не боялись, но и не ходили...». Как итог уже взрослой рефлексии звучит фраза: «С той стороны никакого общения не было, хотя свои же были, свои тут и свои там» [НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, кол. 213, ед. хр. 5, л. 20; ед. хр. 6, л. 25].

Граница как витрина советских достижений

Хозяйственное и культурное развитие территорий, расположенных вдоль западных границ СССР, составляло предмет постоянных забот советского правительства. На эти цели выделялись дополнительные ассигнования [Кен, Рупасов, 2000. С. 488–489]. Воспоминания свидетельствуют, что советские пограничные поселения, особенно такие, как Погранкондуши, были своеобразной агитационно-пропагандистской площадкой, витриной страны, демонстрирующей «достижения советской системы». Сюда раньше, чем во многие другие деревни и поселки, было проведено радио и электричество, в 1930-х годах здесь регулярно появлялась кинопередвижка. Этот набор благ цивилизации в воспоминаниях представлен как исчерпывающий, максимально возможный для своего времени:

«Потому что приграничная деревня, у нас все было: электричество, радио было» (6–27). «У нас же тогда электричество горело, потому что граница, а в других деревнях – там, глубже – не было света» (6–26). «Тут, на границе, обязательно это [радио и электричество] было... Тут было, чтобы видели, что у нас электричество, а у них нету. У финнов не было, а у нас было. До 12 [часов] было, потом 3 раза мигнет лампочка, и все. Централизованно отключали электричество. Радио тоже до войны было, тарелки вот эти, громкоговорители, московское вещание» [НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, кол. 213, ед. хр. 5, л. 23; ед. хр. 6, л. 26–27].

В интервью осознание преимуществ жизни людей в пограничье сопровождается подчеркиванием тех минусов, которые были здесь по сравнению с местностями, расположенными дальше, «глубже» от границы: «В Видлице еще не было света, хоть жизнь и была богаче, шире» [НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, кол. 213, ед. хр. 5, л. 23]. Широта и богатство (большее разнообразие) жизни в деревнях, отдаленных от границы, в данном контексте условны: автор тем самым подчеркивает обделенность близких к границе деревень.

Установленный в деревне Погранкондуши обычай особым образом отмечать советские праздники – Международный день трудящихся 1 мая и День октябрьской революции 7 ноября – рельефно запечатлен в детской памяти. Воспоминания об уличной «сценической площадке», на которой разворачивались театрализованные представления, предназначенные для жителей финской деревни Мансила, дополняют и уточняют друг друга.

«Я помню хорошо, в праздники, 1 мая, 7 ноября, у заставы, там, где жили пограничники, возле самой границы (метрах в 20-ти или 30-ти) праздновали, митинг держали, духовой оркестр откуда-то приезжал. Школьники колонной шли на демонстрацию, председатель сельского совета держал речь, кто-нибудь из руководителей приезжал с района. После митинга тут же танцевали. Показывали той стороне, что у нас люди хорошо живут. Мы даже не смотрели в ту сторону. А оттуда даже на забор поднимались девочки да мальчики на праздник посмотреть» [НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, кол. 213, ед. хр. 3, л. 12].

Другой вариант воспоминаний подчеркивает принудительный характер участия местных жителей в такого рода праздниках: «Как-то там танцы были на нашей стороне. На улице, там, около заставы, на этой, на полянке. ...выгоняли силой молодежь, тогда молодежи много было, угощались. А финны с той стороны пришли на границу... Смотрели, как же, одетые такие они... У детей игрушки разные, а у нас еще не было, [мы] сами шили куклы какие-то из тряпок. А они приходили, как наши празднуют...» [НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, кол. 213, ед. хр. 4, л. 14].

Детская память зафиксировала не только необычные игрушки, но и «праздничную», «хорошую» одежду людей по ту сторону границы. Для младших детей это событие было, безусловно, притягательно: «Мы, детишки-то, не строем шли, мы бегом, босиком впереди всех бежали». Взгляд детей подмечал праздничную инверсию будничной нормы, запоминающуюся своей необычностью: «...И разрешалось даже пограничникам: плясали, пели песни, веселились, показывали, как мы хорошо живем». Вовсе недетским кажется сегодня внимание к фразам, долетавшим с той стороны границы: «И кричат, там... у кого родня? "Еще ли живой, вот там... Иван Васильевич? Передайте привет ему"» [НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, кол. 213, ед. хр. 4, л. 14; ед. хр. 5, л. 20; ед. хр. 7, л. 33].

Эти «образцово-показательные» праздники становились событием и для советской, и для финской деревни. Взрослых они привлекали не потому, что «звучала хорошая музыка», выступал духовой оркестр пограничников и самодеятельные коллективы сельского клуба, а в первую очередь из-за возможности увидеть знакомые лица или услышать родной голос.

В результате Второй мировой войны граница была перенесена, и традиция «демонстрации советских успехов» в этой местности потеряла смысл: «Когда мы вернулись из эвакуа-

ции*, то в очередной праздник я брату говорю: «Ну, Федя, мы теперь пойдём на демонстрацию». А пришли, и никакого праздника нет...» [НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, кол. 213, ед. хр. 3, л. 12]. Вместе с границей исчезла и локальная традиция театрализованных представлений, ориентированная на зарубежных зрителей.

Люди по ту сторону границы. «Они так же выглядели, как и мы»

Взгляд подростка, украдкой брошенный через границу, подмечал принципиально важные для формирующегося человека моменты: сходство и различие чужого, заграничного с местным, привычным: «У нас огород был очень близко к границе, так мама и сестры предупреждали меня: "Не смотри туда!" Там дети кричат, на изгородь поднимаются. Они так же выглядели, как и мы» [НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, кол. 213, ед. хр. 3, л. 12].

Среди людей по ту сторону границы в воспоминаниях особо выделяются дети. Не только потому, что именно на них обращали внимание ровесники с советской стороны, но и в силу того, что по обе стороны границы маленькие дети беспечно нарушали установленные правила. «Детям даже не разрешали смотреть в сторону финской границы, отвечать на вопросы с той стороны. Иногда дети с финской территории висели на заборе и что-нибудь кричали, спрашивали» [НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, кол. 213, ед. хр. 3, л. 12].

С колхозного луга в д. Погранкондуши прекрасно просматривалась финская деревня Мансила: «А сенокос был там внизу... и видать их дома. Видать, как они на великах ездят, да разговаривают, да кричат...» [НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, кол. 213, ед. хр. 4, л. 14]. Велосипед – символ подросткового покорения пространства – был предметом вождения советских детей, территориальное поведение которых нормировалось многими ограничительными факторами, включая дефицит элементарных предметов повседневного быта.

«Может, там веселее жить?». Преодоление «священного рубежа»

Разорванные с установлением советско-финляндской границы родственные связи – тема, которая присутствует практически во всех воспоминаниях в виде семейных преданий: «...все-го их было 5 братьев, эти братья, естественно, поехали в Финляндию, когда границы Ленин за-

* Речь об эвакуации населения Карелии в 1941–1944 гг.

крыл. Отец поехал бы тоже, потому что это была его родина, а у них [с матерью] уже было трое детей, и мама сказала: я в чужую страну не поеду. Он, конечно, вынужден был остаться здесь, и он всю жизнь очень страдал из-за этого» [НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, кол. 213, ед. хр. 7, л. 32].

Драматизм ситуации усиливался географической близостью ставших недоступными родственников, магнетизмом родительского дома по ту сторону границы: «Там же и знакомые были, родня была. Вот Вергеля назывались, так что там, полкилометра из Кавайно, через ручей прошел – и уже дома... Он [дед], все равно, не смотря на то, что границу закрыли, ходил туда ночью, прятался» [НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, кол. 213, ед. хр. 6, л. 25].

Вырабатывались особые ритуалы, связанные со спецификой жизни. Например, дымок из трубы в доме родственников по ту сторону границы – признак жизни – был своего рода утешением, а наблюдение за дымовой трубой становилось для конкретных людей ритуальным элементом повседневности: «...бабушка встанет [утром], пойдет туда на крыльцо (сейчас нету таких сходней, раньше были такие сходни деревенские), поднимется: «А надо хоть посмотреть, у Авдотьи топится ли печка, идет ли дым из трубы...» [НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, кол. 213, ед. хр. 8, л. 46].

Подобные наблюдения позволяли сверить ритм собственной повседневности с порядком, заведенным у родственников: «Наш дом высокий был, двухэтажный, а родительский дом отца – через границу, видно было даже. Он утром вставал, смотрел на свой дом и все говорил: вставайте, у меня дома уже печка топится...» [НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, кол. 213, ед. хр. 7, л. 32]. Таким образом поддерживалось ощущение родственных связей и происходило символическое преодоление границы.

Если взрослые осознавали опасность, а порой и судьбоносность перехода границы, то маленьких детей, как уже отмечалось, могли увести за запретную черту любопытство или неосторожность: «...маленькие еще, пять лет было, мне подружка говорит: «Лиза, давай перейдем. Там, смотри-ко, какие игрушки у них хорошие, и играют на этих, на гармошках губных. Давай перейдем, может, там веселее жить будет, лучше». Она перешла через изгородь, не тут только, около заставы, а повела меня туда в тень, а там была простая такая... изгородь. Она туда перешла, и я перешла. Пограничник финский увидел, подошел, нас бросил через границу, через забор назад. <...> Никто [из родных] даже долго не знал [о случившемся], потому что

меня забрала там одна женщина. «Это, – говорит, – арестовые... Марш домой, пока зад не надеру вичкой...» [НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, кол. 213, ед. хр. 4, л. 13]. Пропагандистское клише 1930-х годов «Жить стало лучше, жить стало веселей» в этом фрагменте присутствует как маркер недетской рефлексии и как способ сверки «личного времени» с ходом истории страны.

Пограничные были

В воспоминаниях встречаются рассказы с общими сюжетами, смысловым стержнем которых является переход границы или ее символическое преодоление. Одна из таких историй рассказана дважды: самой участницей события и ее родственницей (женой брата).

«Свекровь рассказывала о том, как ее маленькая дочь Надя чуть не перешла границу. Ее не взяли в детский сад, как дочь арестованного врага народа. Девочка, видимо, увидела, куда мать пошла на сенокос (у самой границы), и направилась в ту сторону. Свекровь вспоминала: работаю на сенокосе, смотрю – пограничник идет, ведет маленькую девочку, только волосы белые мелькают – напугалась: это Надя моя! Хорошо, попала пограничникам, а то могла бы уйти на ту сторону. С тех пор ее стали брать в детский сад» [НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, кол. 213, ед. хр. 3, л. 12].

Приведенный выше рассказ, передававшийся из уст в уста, отличается от версии непосредственной участницы этой истории: «Еще до войны меня в садик не брали. У врага народа нельзя и ребенка взять, а то враг там будет, среди них. Мама меня на покос водила, а на второй день ее в другое место отправили. Возле границы... Утром я встала, дома же нет никого, оделась немножко да пошла маму искать по следам, где вчера была. Иду-иду, да я и границу перешла. Свои военные уж меня манят-манят, но они же по-русски говорят, а я же ничего не понимаю, иду да иду, мать искать иду. Все равно меня выманили оттуда. ...А после того, как пограничники меня выманили оттуда, меня на заставу [отвели]. Я ничего не соображала, мое дело какое. А на заставу вечером мать пригласили. С заставы уже в сельский совет, да велели в садик устроить. На другой день я уже в садике была, тут уже меня в садик взяли» [НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, кол. 213, ед. хр. 5, л. 19].

Если в первом случае граница не была перейдена, то во втором случае этот переход состоялся. Характерные детали ситуации, содержащиеся в последнем варианте, делают его непохожим на детскую фантазию. Вместе с тем

нельзя не заметить, что текст стилистически отшлифован в результате многократного рассказывания. В первом же варианте факт перехода границы мог быть преднамеренно изъят из-за осторожности взрослого человека, который ввел эту историю в местный «оборот».

Особый интерес представляют типовые рассказы с «бродячим сюжетом» о хитроумных способах передачи информации за границу, когда с формальной точки зрения никаких нарушений не происходило. Это становилось возможным из-за незнания русскими пограничниками карельского и финского языка. Например, громко разговаривая между собой, колхозники на сенокосе могли включать в свой диалог необходимую информацию, которую хотели бы донести до людей, находившихся по другую сторону границы. Наиболее интересной с точки зрения заключенных в ней архетипов является неоднократно услышанная история, действие которой разворачивалось на берегах речки Вешкельзоя. Мать и дочь, жившие по разные стороны границы, приходили на реку полоскать белье. Находясь на разных берегах, они поочередно пели песни, в которых в виде монолога-импровизации рассказывали о собственной жизни и в песенной форме задавали вопросы о жизни по другую сторону реки.

Пограничник и шпион: социальные границы и социальные дистанции

Пограничье рождает свои социальные границы и социальные дистанции. Двумя оппозиционными фигурами социокультурного ландшафта, запечатленного памятью детства, являются пограничник и нарушитель границы. Коллизии, возникающие вокруг одной и другой символических фигур, и сами эти фигуры привлекали внимание детей.

Взрослые, относившиеся к пограничникам как к представителям власти, нередко запрещали детям общаться с ними: «Нет, нам не давали ...Свои, родители не разрешали... Они идут на смену, смотрим, вдвоем с собакой... Мимо домов ходили. К нам-то заходили, но мы очень боялись сперва, [когда] маленькие были. Наши родители уходят на сенокос или куда, ...отец оставлял записку. Если пограничники приходили, то мы со старшей сестрой показывали им эту записку, а малыши прятались» [НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, кол. 213, ед. хр. 4, л. 15]. Но запреты взрослых и в этом отношении действовали не всегда. Личный опыт общения с пограничниками приобретали, прежде всего, мальчики: «Мальчишкам интересно было посмотреть: лошадей, как они тренировались на лошадях...

Мы не умели по-русски-то, но кое-как говорили. Фуражки мерили. Собаки у них были... Нам не давали с ними играть, нельзя. Пограничники с собаками ходили на границу, хорошие, веселые ребята были» [НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, кол. 213, ед. хр. 9, л. 51].

Нарушителей границ в воспоминаниях именуют с использованием различных понятий: беглец, шпион, перебежчик, нарушитель. Иногда со всей очевидностью проявляются попытки осмыслить разнообразие состава людей, переходивших границу: «Как границу нарушали, а нарушения часто были, они [пограничники] подымали людей в любое время дня и ночи, чтобы поймать этого беглеца, помочь поймать этого шпиона, или как его можно еще назвать. Обязательно помогали. Пока не поймают, поиски не прекращали, все время искали» [НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, кол. 213, ед. хр. 6, л. 25].

Сообщение пограничникам о появлении «чужака», а тем более его задержание, стимулировалось не только морально (дети становились героями местной школы), но и материально (наградой могли служить часы, патефон или другая ценная вещь). Но к концу 1930-х гг. доверие к власти было в значительной мере подорвано, и нормой поведения все более становилась семейная установка: молчать. «В лесу видели [чужих], дак боялись говорить – еще затаскают... Учили [в школе]: незнакомый – доложить надо, в школе – завучу или директору или в сельсовет. А мы никого не видели, нечего докладывать. Мы не умели шпионить... Встречали, так молчали. Нет, один, Юдин, он поймал шпиона. Герой. Ему даже дали медаль какую-то, не помню какую. Часы карманные подарили... Пришел на хутор – там далеко – мужик хлеба просить, бабка там как раз пекла хлеб. Бабка: “Хлеб еще не готовый, подожди”, а мальчику: “Беги быстрее на заставу”. Пока мальчик бежал туда, у бабки даже хлеб в печке сгорел, не вынимала, пока мальчик не вернется. Вот его и поймали, вот и Юдину тогда дали... Мы смотрели, удивлялись: какие часы. На часах еще сетка была какая-то сделана, чтоб стекло не разбить. Такая, полосками. И цепочка, в кармане носить» [НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, кол. 213, ед. хр. 9, л. 53]. В рассказ «о подвиге Юдина» имплантирован «пограничный сюжет», упорно навязывавшийся советской пропагандой 1930-х гг. Его фабула состоит в том, что взрослые отвлекают внимание подозрительного чужака, отправляя детей в качестве гонцов на заставу. Подобную гибридность текстов можно рассматривать как результат «принудительной ассоциации» [Гусейнов, 2005. С. 19].

Перемещенная граница. Освоение нового пространства

Память сохранила послевоенное детское ощущение расширившейся свободы в связи с перемещением линии границы на запад. Подроски наряду со взрослыми постепенно осваивали новые территории: «*Уже границы нет, знаешь это и чувствуешь себя более свободно. А так мы, пацаны, далеко не ходили в ту сторону. А когда границу отодвинули, дак мы бегали туда... [На той] стороне много кое-чего оставалось...*» [НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, кол. 213, ед. хр. 6, л. 30].

Ландшафт, созданный границей, точнее, его следы сохранялись и после перемещения государственных рубежей в результате второй мировой войны. Это не только просеки и канавы, городки пограничных застав, но и проложенные пограничниками лесные тропы: «*...я бегала на Ладугу стирать... с сестрой бегали... пограничников вспоминали, от пограничников, от их лошадей дорожки [остались], маленькие... У них своя работа, им надо было шпионов ловить...*» [НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, кол. 213, ед. хр. 4, л. 15].

Итак, память о детстве многослойна. Рассказы о себе содержат не только личный опыт пережитого, семейные истории, но и десятилетиями циркулирующие в локальных сообществах и отшлифованные многократными пересказами повествования – были о коллективном или чужом опыте. В ряде воспоминаний можно увидеть влияние учебных и пропагандистских текстов, свидетельствующее о том, что официальный дискурс выступает фактором конструирования исторической памяти, в том числе и памяти о жизни советского приграничья.

В воспоминаниях о детстве есть значительный пласт, в котором запечатлены детали повседневности советского пограничья, символические предметы и персонажи границы, ситуации, порожденные спецификой погранполосы. Эта информация раздвигает рамки исследований по антропологии приграничья, позволяет понять характерные особенности жизни «детей фронта». Социальная реальность пограничья в воспоминаниях о детстве оказалась значительно более сложной, чем схемы официального дискурса. Несовпадение государственных предписаний, семейных, а также личных интересов человека проявилось в разнообразных формах взаимодействия детей со взрослыми, наделенными различной силой власти. Святость родственных связей

вступала в конфликт с официальным мифом о священности государственных рубежей.

В пограничье выстраивание детьми собственной идентичности шло в условиях эмоционального осмысления государственной границы. При этом сравнение осуществлялось не только с заграницей, чужесты которой смягчалась наличием родственных связей, но и в сравнении с территориями своей страны, лежащими «глубже». Происходило осознание своей «инаковости» по отношению как к «чужим», так и к «своим».

Литература

Безрогов В. Г. Помнить нельзя забыть: коллективная память, воспоминания о детстве и тема войны в учебниках для начальной школы конца 1940-х – начала 2000-х гг. // Вторая мировая война в рамках детской памяти: Сб. науч. ст. / Ред. А. Ю. Рожков. Краснодар: Экоинвест, 2010. С. 31–65.

Граница и люди: Воспоминания советских переселенцев Приладожской Карелии и Карельского перешейка / Ред. Е. А. Мельникова. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2005. 484 с.

Гусейнов Г. Карта нашей родины: идеологема между словом и телом. М.: ОГИ, 2005. 214 с.

Заерко А. Л. Кровавая граница. Кн. 1. 1918–1939. Минск: Камерон-Д, 2002. 271 с.

Замятин Д. Н. Гуманитарная география: пространство и язык географических образов. СПб.: Алетей, 2003. 331 с.

Илюха О. П. Пограничник и шпион в учебно-воспитательных текстах для школьников: грани мифотворчества сталинского времени // «Букварь – это молот»: Учебники для начальной школы на заре советской власти, 1917–1932 гг. Сб. науч. трудов и материалов / Ред. Т. С. Макарова, В. Г. Безрогов. М.: Азимут; Тривант, 2011. С. 133–149.

Кайсто В., Нартова Н. Двойной город Иматра-Светогорск. Лаппеенранта, 2008. 166 с.

Кен О. Н., Рупасов А. И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920–1930-х гг.). Проблемы. Документы. Опыт комментария. СПб.: Европ. дом, 2000. 704 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Мусаев В. И. Россия и Финляндия: миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX – 1930-е годы). СПб.: Изд-во политех. ун-та, 2007. 484 с.

Научный архив Карельского научного центра РАН (в тексте – НА КарНЦ РАН).

Осорина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. Изд. 5-е. СПб.: Питер, 2009. 297 с.

Разумова И. А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фолклор. История. М.: Индрик, 2001. 376 с.

Россия и Финляндия в XVIII – XX вв. Специфика границы. СПб.: Европ. дом, 1999.

Рупасов А. И., Чистиков А. Н. Советско-финляндская граница. СПб.: Европ. дом, 2000. 162 с.

Рупасов А. И., Чистиков А. Н. Советско-финляндская граница. Очерки истории. СПб.: Европ. дом, 2007. 222 с.

Figes O. The Whisperers: Private Life in Stalin's Russia. London: Allen Lane, 2007. 740 p.

Frontières du communisme. Mythologies et réalités de la division de l'Europe de la révolution d'Octobre au mur de Berlin / Sous la direction de S. Coeuré et S. Dullin. Paris, 2007. 462 p.

Hämynen T. Liikkeellä leivän tähden. Raja-Karjalan väestö ja sen toimeentulo 1880–1940. Helsinki, 1993. 562 s.

Ilyukha O. La «frontière verrouillée»: images, symboles et réalités de la frontière dans l'éducation des écoliers

soviétiques des années 1930 au début des années 1950 // *Frontières du communisme. Mythologies et réalités de la division de l'Europe de la révolution d'Octobre au mur de Berlin / Sous la direction de S. Coeuré et S. Dullin.* Paris, 2007. C. 336–357.

Lähteenmäki M. Maailmojen rajalla. Kannaksen rajamaa ja poliittinen murtumat 1911–1944. Hämeenlinna: Kariston Kirjapaino Oy, 2009. 469 s.

Paasi A. Territories, boundaries and consciousness: the changing geographies of the Finnish-Russian border. Chichester: John Wiley & Sons, 1996. 353 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Илюха Ольга Павловна

зам. директора по научной работе, д. и. н.
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск,
Республика Карелия, Россия, 185910
эл. почта: iljuha@krc.karelia.ru
тел.: (8142) 781886

Ilyukha, Olga

Institute of Language, Literature and History, Karelian Research
Centre, Russian Academy of Science
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: iljuha@krc.karelia.ru
tel.: (8142) 781886